

ВОСПИТАНИЕ ДИКОСТИ

Как животные создают свою культуру,
растят потомство, учат и учатся

Карл Сафина

Автор бестселлера «Глазами альбатроса»

Карл Сафина
Воспитание дикости.
Как животные создают
свою культуру, растят
потомство, учат и учатся

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68427902

*Воспитание дикости: Как животные создают свою культуру, растят
потомство, учат и учатся: Альпина нон-фикшн; Москва; 2023*

ISBN 9785001398585

Аннотация

Многие полагают, что культура – это исключительно человеческое явление. Но эта книга рассказывает о культурах, носители которых не являются людьми: это дикие животные, населяющие девственные районы нашей планеты. Карл Сафина доказывает, что кашалоты, попугаи ара или шимпанзе тоже способны осознавать себя как часть сообщества, которое живет своим особым укладом и имеет свои традиции.

Сафина доказывает, что и для животных, и для людей культура – это ответ на вечный вопрос: «Кто такие мы?» Культура заставляет отдельных представителей вида почувствовать себя группой. Но культурные группы нередко склонны избегать одна

другую, а то и враждовать. Демонстрируя, что эта тенденция одинаково характерна для самых разных животных, Сафина объясняет, почему нам, людям, никак не удастся изжить межкультурные конфликты, даже несмотря на то, что различия между нами зачастую не имеют существенной объективной основы.

Содержание

Введение	8
Сфера первая:	14
Семьи	16
Семьи	47
Семьи	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Карл Сафина

Воспитание дикости:

Как животные создают свою культуру, растят потомство, учат и учатся

Переводчик *Анна Васильева, канд. биол. наук*

Научные редакторы *Иван Затевахин, канд. биол. наук, Евгений Коблик, канд. биол. наук*

Редактор *Александр Петров*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *О. Петрова, Е. Рудницкая, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, за-

прещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Carl Safina, 2020

Печатается с разрешения Henry Holt and Company, New York

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Чем лучше какой-нибудь наблюдатель изучил нравы данного животного, тем большее число поступков он приписывает разуму и тем меньшее —

*незаученным инстинктам*¹.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН. *Происхождение человека и половой
отбор*

---

¹ Пер. И. Сеченова.

Введение

Стая красных ара пылающими кометами вырывается из гущи тропического леса – десятки крупных, ярких птиц с длинными хвостами и роскошным оперением, многоцветье которого бьет по глазам, как вспышка. Сопровождая свой эффектный выход шумным криком, как фанфарами, они рассаживаются по вершинам крон над крутым речным берегом. Шумные, игривые, самодовольные – они явно от души наслаждаются и самими собой, и всем происходящим. Даже в стае легко разглядеть, что некоторые птицы держатся устойчивыми парами. За одной такой парой следует третья птица – пухлый, немного неуклюжий птенец из последнего выводка, который все время пристает к родителям, выпрашивая корм. Молодые ара годом старше уже обрели некоторую независимость и ведут себя более прилично – если, конечно, можно понимать под приличным поведением манеру повисать вниз головой и шумно дурачиться, заигрывая с соседями. Они уже успели кое-что усвоить и понемногу начинают строить собственную юную жизнь.

Малыш шимпанзе едет на материнской спине к водопою. Сухой сезон в самом разгаре, и воду можно найти лишь в уцелевших кое-где мелких мутных лужах. Воздух плавится от жары. Утро обезьяны провели на большом плодовом дереве далеко отсюда. Группа проделала долгий путь через лес

и теперь изнемогает от жажды. Мать срывает клочок мха, скручивает его в нечто вроде губки, окунает в лужицу, потом кладет в рот и высасывает влагу. Юный инфант спрыгивает с родительницы и нетерпеливо тормошит ее, требуя отдать губку ему. Он тоже сует ее в рот. Получив бесценный урок того, как можно утолить жажду в засуху, он приникает к матери, и они отдыхают вместе. Чуть позже детеныш найдет своих друзей и всласть пообщается с ними.

А тем временем в тропическом море глубиной в три километра беззащитная малышка-кашалот ждет у залитой солнцем поверхности воды свою мать, которая отправилась на охоту за кальмарами в холодную, чернильно-непропускаемую бездну сотнями метров ниже. Как воздушный шарик на ниточке, малышка следует за матерью, не видя ее, но улавливая щелчки материнского сонара. Ее охраняет тетя – она держится рядом, ожидая своей очереди нырнуть и поохотиться. При первых же признаках угрозы на призыв детеныша откликнется вся семья, она придет на подмогу из темно-синих глубин.

Истории, рассказанные в книге, – это истории о культуре животных. Естественное и врожденное – не совсем одно и то же. Чтобы стать теми, кто они есть, многим животным приходится учиться у старших: усваивать необходимые для жизни навыки, приспосабливаться к местным условиям, а еще – овладевать наукой эффективного общения в этой конкрет-

ной группе и в этом конкретном месте. Такая культурная преемственность позволяет распространять полезные умения (например, способность отличать съедобное от несъедобного и добывать пищу), определять свою идентичность, чувствовать принадлежность к определенной группе (отличной от других групп), а также передавать из поколения в поколение традиции, важные для тех или иных аспектов существования (например, ритуалы успешного брачного ухаживания, которые в разных местах могут различаться).

Если кто-то в сообществе владеет знанием, что безопасно, а чего следует избегать, имеет смысл научиться у него действовать «как положено». Попытка постигнуть азбуку жизни самостоятельно, например разобраться, какая пища ядовита или какие враги действительно опасны, может обойтись недешево. Поэтому для представителей одного вида выгодно полагаться на социальное обучение и усваивать готовые, многократно испытанные и надежные рецепты.

До сегодняшнего времени культура оставалась скрытой и крайне недооцененной стороной жизни обитателей дикой природы. А ведь для многих видов культура необычайно важна – и в то же время она очень уязвима. Утрата культурного знания, которое было наработано многими поколениями и передавалось от родителей к потомкам, может наступить гораздо раньше, чем численность вида снизится настолько, чтобы угроза его выживания стала *явной*.

Эта книга – о том, куда культура привела Жизнь (под

Жизнью с большой буквы я подразумеваю все живое на Земле, в самом широком смысле) в ходе ее долгого странствия из глубины времен. Вот вам, кстати, одна из ее изумительных тайн: яркое оперение попугаев ара – почему нам кажутся красивыми те же формы и краски, что и самим птицам? Жизнь развила в себе способность не только воспринимать, но и создавать красоту, а также стремление к красоте задолго до появления человека. Откуда на Земле появилась тяга к прекрасному? Такой вопрос подводит нас к поистине удивительному выводу, что красота – тоже часть эволюции. Мы убедимся в этом на многих примерах, которые встретятся нам в предстоящем путешествии. Сейчас я скажу лишь, что, когда однажды воскресным вечером я сидел и писал и на меня вдруг снизошло осознание, что мы упускаем роль красоты как движущей силы эволюции новых видов, клянусь, у меня волосы встали дыбом.

Теми, кто мы есть, нас делают не только гены. Культура тоже форма наследственности. Культура хранит важнейшую информацию – только не в геноме, а в знаниях. Этот массив знаний – навыки, предпочтения, умение петь и владеть орудиями, диалекты – передается из поколения в поколение, как факел. Сама культура меняется и эволюционирует, причем зачастую повышая приспособленность видов гибче и быстрее, чем это удастся генетической эволюции. Особь наследует набор генов только от родителей, а вот культуру она может

перенять у любого члена своей социальной группы. Разница только в том, что культура не дается от рождения. Но, поскольку она способствует выживанию, она направляет и генетическую адаптивность.

В мире животных, населяющих Землю, пестрый ковер генетического разнообразия покрыт еще одним пластом – пластом усвоенного знания, о значении которого люди даже не подозревают. Социальное обучение существует повсюду вокруг нас. Вот только заметить его непросто – нужно долго и внимательно присматриваться. Эта книга и есть один такой пристальный взгляд на вещи, которые обычно трудно разглядеть.

Мы увидим, каким образом животные, будь то кашалот Пинчи, ара Табаско или шимпанзе Муса, живут своей жизнью в дикой природе, сознавая себя частью определенного сообщества, в котором принято поступать определенным образом. И еще мы увидим, как в этом сложном и изменчивом мире культура дает ответ на вопрос, как правильно жить там, где ты родился.

Мы, люди, учимся «правильно жить» у других людей. Но и вороны тоже учатся – у других воронов. И обезьяны учатся у своих сородичей, и киты. И попугаи. И даже пчелы. Считать, будто другие живые существа лишены культуры, только потому, что она не похожа на человеческую, – все равно что считать, будто они не общаются, потому что не владеют членораздельной речью. Конечно, они общаются – только *по-*

своему. И культура у них тоже своя. Я вовсе не хочу сказать, что они воспринимают жизнь так же, как ее воспринимаете вы. Ни одна жизнь не похожа на другую. Я лишь говорю, что инстинкты имеют свои пределы; многим животным приходится *учиться* почти всему, что нужно, чтобы быть собой.

Киты, попугаи и приматы, с которыми нам предстоит познакомиться, воплощают собой три главные сферы культуры: индивидуальность и семья, красота и ее значение, социальные противостояния и культурные способы смягчить их. Все перечисленные виды, а также многие другие, с которыми мы встретимся на этих страницах, станут нашими учителями. От каждого из них нам предстоит перенять что-то, что расширит наше представление о том, каково это – жить в чуде, которое мы бесцеремонно именуем «наш мир».

Погружаясь в дикую природу, вглядываясь в жизнь разных существ и их сообществ, мы получим редкую и совершенно бесценную возможность украдкой заглянуть за завесу Жизни на Земле. Постигая, каким образом знания, умения и обычаи передаются между животными, мы по-новому увидим то, что постоянно происходит вокруг, пусть и незаметно для человеческого взгляда. И это поможет нам получить ответ на самый насущный из всех вопросов: кто они, наши спутники в путешествии на одной общей для всех планете? С кем мы делим свой дом?

Наша экспедиция вот-вот начнется. Вы готовы?

Сфера первая: Взрачивание семьи Кашалоты

*Говорят, море холодно, но море заключает в себе
самую горячую, самую неистовую кровь².
Д. Г. Лоуренс*

Сильвия помолчала.

А потом в какой-то момент повернулась к Шейну и сказала: «Ты ощущаешь бремя доверия, которое киты оказывают тебе».

Это было именно то, что он всегда чувствовал, но не мог уловить, не мог выразить словами. А Сильвия всего одной фразой объяснила ему, почему он здесь.

И, едва сойдя на берег, он сразу позвонил жене. Она сняла трубку и по голосу тут же догадалась, что он плакал.

Он сказал: «Наконец-то я понял».

А она попросила: «Расскажи мне, что случилось».

---

² Пер. А. Грибанова.

КАШАЛОТЫ

Китообразные
(Cetacea)

Усатые киты
(Mysticeti)

Зубатые киты
(Odontoceti)

Physeteroidea

Delphinoidea

*Дельфины
и их родственники,
включая
морских свиней,
косаток,
гринд,
бесклювых
дельфинов,
кляваторылов и др.*

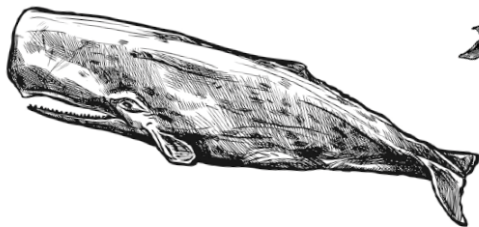
Physeteroidea

Карликовые кашалоты

Кашалоты

Малые
карликовые
кашалоты

Карликовые
кашалоты

Семьи

Глава первая

*Гармония подобная живет в бессмертных
душах... мы ее не слышим³.
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР*

В восемь утра под нами уже глубокий океан. Мы находимся на так называемом уровне моря, как будто океан – всего лишь поверхность, условная нулевая отметка высоты, над которой возвышается все, что действительно имеет значение, – как мы, например, существующие в воздушной среде. На самом же деле мы просто скользим по поверхности простирающегося под нами обширного, глубокого, густонаселенного мира. Это мир, в котором обитает подавляющее большинство живых существ на Земле. К нему принадлежат и киты – пусть они дышат воздухом, как и мы, но свой век они проводят, прокладывая путь сквозь водную толщу.

В чем же кит видит смысл своего существования? Это необычайно серьезный вопрос, выводящий нас далеко за пределы зоны комфорта.

Я уже чувствую, насколько мы уязвимы, находясь здесь, насколько зависимы от множества стихий. Наша открытая девятиметровая лодка перегружена снаряжением и людьми:

---

³ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

четыре аспиранта, охваченных любопытством и жадной жаждой приключений, и с ними Шейн Геро. И еще я. Мы движемся на юго-запад через мелкие ветровые волны, которые становятся все сильнее. А наш капитан, Дэвид Фабиан, здоровенный кариб с дредами и зычным голосом, относится к здешним морям чрезвычайно серьезно. Мне определили место у наветренного борта, и вскоре я вымок до нитки. Я знаю, что капитан таким образом устраивает мне проверку, и я не собираюсь доставлять ему удовольствие, оборачиваясь и бросаю на него хмурые взгляды. Мне случалось бывать в воде похолоднее и встречать людей похуже. Я думаю, если я сейчас вытерплю налетающие на меня соленые волны, это станет залогом, что дальше мы с капитаном поладим.

Тем временем Шейн кричит: «Мы и поверить не могли!» Меня окатывает еще одной волной, и он продолжает: «Тогда, в первый месяц, я действительно начал видеть в кашалотах личности. Это было совершенно потрясающе». Он рассказывает мне о его первом опыте здесь, в карибских водах у побережья Доминики.

Вскоре на нас налетает жутковатая на вид стая – несколько десятков больших птиц, размашисто и мощнодвигающих заостренными черными крыльями. Фрегаты. Научное название – великолепные фрегаты. Паря в воздушных потоках, они выглядят неприятно и даже зловеще, как пираты. Впрочем, сказать по правде, они и есть пираты. И они действительно неприятные. Хотя в великолепии им не откажешь.

А внизу, под этими крылатыми пиратами, воду прорезают черные плавники, похожие на дельфины. Мы останавливаемся. Одна из птиц зависает в воздухе и ловко выхватывает кальмара прямо из-под носа плывущих громадин.

Я не могу опознать, чьи плавники вспарывают море, разгоняя кальмаров, но Шейн определяет их с ходу. Род *Pseudorca*, малые косатки. Действительно, они куда меньше своих «настоящих» тезок. Одна за другой малые косатки делают вдох и исчезают, и мы понимаем, что их здесь примерно два десятка. Длинное жирное пятно на воде подсказывает нам, что мы только что упустили возможность понаблюдать за весьма успешной охотой. Косатки лениво бороздят это пятно круглыми черными головами – точь-в-точь люди после плотного завтрака, которые совершенно не в настроении мыть за собой посуду.

Прежде чем мы пускаемся дальше, Шейн наклоняется ко мне со словами: «Поверь, это хорошо, что он тебя облил». – «Да, – киваю я, – знаю». – «Теперь он немножко успокоится».

И мы продолжаем. И он продолжает.

Тот, кого мы ищем, – это самое что ни на есть классическое морское чудовище: кашалот, архетипический кит из людских фантазий. Библейский Левиафан, проглотивший Иону, сокрушитель китобойного судна «Эссекс», неуловимая полумистическая добыча, что свела с ума капитана Аха-

ва. И в древних мифах, и в реальной жизни, и в художественных вымыслах этот кит больше всех прочих поражает воображение. Почти никем не виданная, но всем известная своей свирепостью огромнейшая в мире зубатая тварь – и мы всеми силами ищем способ подобраться к ней как можно ближе.

Многие столетия люди видели в китах *воплощение* самых разных вещей. Они олицетворяли собой торговлю и труд. Приключение. Деньги. Опасность. Традицию и гордость. А еще свет и пищу. Они были сырьем, как железная руда или нефть, из которого можно производить много всего. И в силу этих причин киты воспринимались как добыча, мишень. Люди готовы были видеть в них все что угодно – кроме собственно китов. Чтобы видеть вещи такими, какие они есть, нужно смотреть на них честно.

Мы, сидящие в этой лодке, ищем подлинное существо, живущее своей подлинной жизнью. Лучше прочих млекопитающих приспособленные к обитанию в водной среде, киты ведут свое происхождение от наземных зверей, которые начали постепенное возвращение в море 50 миллионов лет назад. Научное название китообразных, Cetacea, происходит от греческого слова, которое буквально означает «морское чудовище».

Кашалоты – единственные уцелевшие до наших дней представители семейства кашалотовых, Physeteridae, возраст которого насчитывает более 20 миллионов лет. Еще дюжина китов, когда-то принадлежавшая к этому семей-

ству, давно канула в небытие. Левиафан – последняя струйка некогда мощного потока, который питал воды океанов на изобильной Земле в дочеловеческие времена.

Но сейчас, в эти дни, мы с ним оказались современниками. И я очень надеюсь, что в ближайшие недели, при немалом содействии Шейна, нам удастся сократить пропасть между нашими видами. Я настойчиво ищу встречи, которая позволит мне не только увидеть Левиафана своими глазами, не только понаблюдать за кашалотами, но и, отбросив все стереотипы, по-настоящему проникнуть туда, где они живут со своими семьями, дыша одним с нами воздухом на границе наших миров. Я понимаю, что жду чуда и для встречи с ним оказался в самом лучшем месте – на мокром твердом шарике, кружащем по третьей по счету орбите вокруг звезды под названием Солнце. Это место, где чудеса даются так легко, что мы частенько пренебрегаем ими. Да, знаю, в такое трудно поверить. Но мы продолжаем.

В нескольких километрах позади нас, в той стороне, где сейчас взбирается на небосклон солнце, изумрудной зеленью отливают крутые склоны вулкана. Древний остров Доминика дополняет дугу из нескольких вулканических островов, которые закрывают Карибское море своими западными берегами, подставляя восточные Атлантическому океану. На севере с Доминикой соседствует Гваделупа, а к югу через пролив виднеются вершины Мартиники. Их склоны, наверху зарос-

шие джунглями, продолжают и под водой – океан словно подпирает эти острова своими синими плечами.

Кашалоты населяют более широкий и глубокий пояс планеты, чем любые другие существа, если не брать в расчет человека: они бороздят Мировой океан от 60-го градуса северной широты до 60-го градуса южной, от самой поверхности воды до ее черных, холодных, давящих глубин. (Самки и молодняк обычно не выходят за пределы 40-го градуса северной широты и 40-го южной.) Но людям кашалоты нечасто попадаются на глаза. Обитая в открытом океане, глубоко в его толще, они обычно держатся вдали от материкового шельфа и редко выбираются на мелководья глубиной менее 900 метров, что заставляет их держаться вдалеке от большинства побережий. Но дело не только в этом. Кашалоты могут покрывать больше 60 километров в сутки, ежегодно преодолевая расстояния в три с лишним десятка тысяч километров. Масштабы их обиталища – миллионы квадратных километров океана, в котором не остается никаких следов, – делают изучение кочевой жизни кашалотов почти невыполнимой задачей. Однако здесь, вблизи Доминики, большие глубины начинаются почти вплотную к суше, и потому это место – самое подходящее, где можно попытаться с берега добраться до кашалотов и записать их голоса.

По сути, Шейн очертил в океане блок водной толщи с ребром в 20 километров, сказав: «Нам предстоит изучать одних из самых крупных и скрытных в мире существ, когда они бу-

дут заходить в этот блок и покидать его». Он потратил кучу времени и усилий на свой весьма смелый проект. Возможность провала даже не рассматривается: ставки слишком высоки. И для Шейна, и для китов.

Едва мы достигаем первой точки, где нужно остановиться, нас накрывает легким дождем. Да, мы ищем Левиафана, но не глазами. Уж очень мала вероятность добиться успеха, просто мотаясь по морю и высматривая китовый фонтан, ведь из каждого часа кашалоты примерно 50 минут проводят под водой. Охота в черных холодных безднах где-то в сотнях метров под волнами, а также путь до этих глубин и обратно занимают около 80 % всего их времени. Потому нам, как и самим китам, предстоит охотиться, пользуясь высокой акустической проводимостью воды. То есть полагаясь на слух.

Мы останавливаемся. Спускаем за борт гидрофон – водонепроницаемый микрофон для улавливания звуков под водой. Студенты Шейна отмечают координаты точки, состояние моря и погоды. Он передает мне наушники, и мы по очереди выслушиваем щелчки эхолота, которым от рождения наделен каждый кашалот.

Любой человек, встречавший в море дельфинов, мог слышать высокий свист или визг, с помощью которого они общаются между собой, проходя мимо лодки или пристраиваясь к носовой волне. Эти звуки не имеют отношения к эхолокации. Эхолокационные сигналы – всегда щелчки.

Кашалотов долгое время считали абсолютно молчаливыми. Описание их акустических сигналов было впервые опубликовано в 1957 году, и сделали это ученые⁴. Китобои, охотившиеся на кашалотов, никогда не слышали щелчков, которые они издают.

Я сейчас тоже не слышу никаких щелчков. Только плеск воды на поверхности. Через несколько минут мой мозг начинает отсеивать этот шум, и я начинаю вслушиваться в глубину. И тогда я действительно различаю чьи-то голоса. Какие-то пiski, свисты – очень высокие и негромкие. Шейн говорит, что их, скорее всего, издают те самые малые косатки, которых мы видели еще там, где над нами парили фрегаты. Да, в воде звуки могут распространяться очень далеко. По словам Шейна, голос малых косаток похож на электронные сигналы, а у дельфинов звучит более естественно. Как и дельфины, косатки общаются между собой свистом и повизгиванием, а их эхолокационные сигналы звучат как серия щелчков – таких частых, что иногда они сливаются в сплошное жужжание.

Эхолокационные щелчки кашалота, которые мы пытаемся услышать, более размеренные: клик, клик, клик. Пока микрофон ничего такого не улавливает. В отличие от дельфинов, кашалоты и общаются тоже щелчками. Вообще, все известное разнообразие звуков, которые они издают, представле-

---

⁴ Worthington, L. V., and W. E. Schevill. 1957. "Underwater Sounds Heard from Sperm Whales." *Nature* 180: 291.

но щелчками, просто одни предназначены для эхолокации, а другие – для коммуникации.

Море – это подвижная мозаика течений и сдвигающихся по сезонам температурных границ. Вот почему обитатели открытого океана тоже все время находятся в движении, следуя за оптимальными для них температурами и, что гораздо важнее, за пищей. Вся их жизнь – это вечное странствие на колоссальные расстояния и погружение на невиданные глубины.

Тот, кто путешествует по океану под самой его поверхностью, не ощущает особых изменений, даже перемещаясь очень далеко, но, если опуститься всего лишь на 10 метров ниже, давление уже удваивается. А на глубине в 20 метров оно оказывается в три раза выше, чем на поверхности. Вода так жадно вытягивает из вас тепло, что без специального защитного костюма вы быстро замерзнете, а свет на этой глубине такой тусклый, что цвета становятся почти неразличимы.

И вода, и суша потрудились, создавая китов. Киты относятся к позвоночным животным, если точнее – к млекопитающим. Эволюция позвоночных началась в океане, но млекопитающие формировались в наземной среде, и лишь потом некоторые из них вернулись обратно в море, превратившись в китов. Все мы, позвоночные, унаследовали общий план строения от рыб, включая скелет, внутренние органы,

челюстной аппарат, а также нервную, кровеносную, пищеварительную и прочие системы. Когда рыбы, покинув воду, вынесли эту базовую схему на сушу, над ней немало потрудились наземная гравитация и атмосфера, превращая зачаточные конечности в пригодные для ходьбы и полета ноги и крылья, а чешую – в перья и шерсть.

Но, когда млекопитающие начали обратный путь с суши в море, вода напомнила им о необходимости иметь плавники. Если взглянуть на передние конечности китов повнимательнее, по ним можно проследить всю историю этих животных: в сущности, они просто надели рукавицы на точно такой же набор костей, как и в моих пальцах, которыми я печатаю эти слова. Возвращаясь в море после миллионов лет наземной жизни, млекопитающие прихватили с собой и многое другое: дыхание с помощью легких, умение вырабатывать внутреннее тепло и родительскую заботу о детенышах. И еще они не забыли положить в багаж острый интеллект и высокоорганизованную систему социального общения. Все эти полезные качества, приобретенные для обитания на суше, наделяют их обладателей колоссальными преимуществами при охоте на океанических существ. Содержание кислорода в морской воде меньше 1 %, и для тех животных, которые дышат жабрами, это создает массу ограничений. Но воздух содержит 20 % кислорода. Несмотря на новые приспособления для жизни в воде, киты и дельфины в полной мере остаются млекопитающими, и даже более того. Смыш-

ленные и общительные, вдыхающие насыщенный кислородом воздух, необходимый для быстрой и мощной работы мышц, эти темпераментные и чрезвычайно эффективные хищники образуют высшее звено пищевой цепи в своем мире, где они могут спокойно нагнать любую жертву и даже сделать вокруг нее несколько кругов.

Море дало вернувшимся в него млекопитающим два больших преимущества. Первое – скопления пищи. Для не самых крупных существ, населяющих бескрайние морские просторы, залогом безопасности может служить только многочисленность. Поэтому мелкие рыбы и кальмары держатся огромными, нередко миллионными скоплениями, каких на земле и не увидишь. Другое преимущество – высокая акустическая проводимость воды по сравнению с воздухом. Видимость в океане составляет в самом лучшем случае метров сто. На глубину всего в пару сотен метров от поверхности не проникает солнечный свет. Зато вода, чья плотность в 800 раз больше плотности воздуха, прекрасно проводит звук.

Во время охоты кашалоты издают эхолокационные сигналы с частотой примерно два щелчка в секунду, вот так: «Раз... и два... и...». Исследователи называют их щелчками, хотя на большом расстоянии они иногда звучат как раздельное тиканье, вблизи – как дробь кастаньет, а если подойти совсем вплотную – как стук сталкивающихся стальных шариков.

Вот одна из причин, почему сейчас Левиафана здесь нет: кашалоты недолюбливают малых касаток. И кашалотов можно понять. Океан – довольно опасное место. Они остерегаются настоящих косаток, избегают задиристых гринд и стараются держаться подальше от малых косаток, которые изводят молодняк, кусая китят за лопасти хвостового плавника – судя по всему, просто забавы ради. Сами кашалоты не считают это забавным. Они осторожны и не любят грубых шуток, а еще они всегда очень заботливы по отношению к детенышам.

Шейн сверяется со спутниковым навигатором, и мы направляемся к следующей точке. До нее около трех километров. Наше подслушивающее устройство способно уловить эхолокационные сигналы кашалота минимум за пять километров. Поэтому места наших остановок распределены так, чтобы полностью перекрывать все пространство. Если киты здесь, то мы их обязательно услышим. Если же их здесь нет – тишина даст нам знать.

Нам известно о китах столько, что этого хватило бы на множество книг. Однако мы чрезвычайно мало знаем о том, как они сами ощущают свой мир, как воспринимают собственную жизнь. Кашалоты и горбачи, косатки, афалины, стенеллы и немногие другие дельфины успели побывать объектами пристального изучения со стороны человека. Большинство же видов китов и дельфинов, населяющих жидкую

толщу под выпуклыми синими горизонтами нашей планеты, остаются для нас почти совершенно неизвестными чужаками. И каждые несколько лет ученые обнаруживают новые, до сих пор неизвестные виды китообразных.

Так что возможность сблизиться с Левиафаном легче представить, нежели осуществить. Чем дальше от берега, тем сильнее качка, мокрее брызги – одним словом, никакого комфорта. Море вовсе не собирается облегчать нашу встречу с китами.

Но Шейн Геро не унимается. Атлетически сложенный красавец с мускулатурой пляжного спасателя, коротко стриженными каштановыми волосами и серо-голубыми глазами, он сочетает в себе очарование дружелюбной открытости и пытливый рассудительный ум. Больше всего ему хочется понять две главные вещи: как кашалот узнает, кто он такой или кто она такая, и как он учит детей осознанию собственной идентичности. Ответы на эти вопросы откроют нам, каким образом у кашалотов формируется их исключительная семейная привязанность.

На второй точке прослушивания нас тоже ожидает тишина. Пока мы двигаемся к третьей, поверхность моря сплошь покрывается сияющими солнечными бликами. Далекий остров Доминика то проступает из-за нависших над ним облаков, то вновь скрывается из виду. Мы плывем все дальше с крепнущим ощущением, что где-то под нами скрываются

тайны, неподвластные человеческому разумению. Наверняка так оно и есть.

Наша жужжащая мотором лодка вспугивает стайку летучих рыб, и одна из них падает прямо мне под ноги. Я люблю ее большими глазами, зеркальными боками, синим отливом спинки. Потом выбрасываю ее за борт.

Следом за рыбами на нас налетает невесть откуда взявшаяся большая белая птица с длинным хвостом – краснохвостый фаэтон. Отставать она не желает. Она знает, что наша бороздящая волны лодка способна выгонять из воды летучих рыб, понимает, что это может произойти, и расчетливо ждет.

Но мы ее разочаровываем. Птица глядит на нас сверху, я задираю голову, смотрю на нее и думаю: «Где же ты была пять минут назад? Мы вспугнули их множество».

Приближаясь к третьей точке прослушивания, мы натываемся на целый акр плавучих желто-зеленых саргассовых водорослей. Вылавливаем из них большое пластиковое полотно. К самой нашей лодке подплывает небольшая стая дорадо – в темной воде этих рыб замечаешь прежде всего по их ярко-голубым грудным плавникам. С неоновыми плавниками и телом в форме весла длиной с мою руку, в ярких синих и желтых кляксах, словно их раскрашивал ребенок, дорадо, наверное, самая красивая из всей фантастической пестроты прочих рыб.

Третья остановка, и наш гидрофон снова погружается на проводе в жидкую оболочку планеты. Я слышу отдаленный гул мотора. Но погодите, этот мотор такой громкий...

Шейну почудились слабые щелчки. «Я не уверен...» – начинает он.

Теперь и нам удастся уловить едва различимые свисты, похожие на электронные сигналы. Шейн пока не может точно сказать, кто это. Меня же тонкости различения звуков и вовсе ставят в тупик.

Так, теперь что-то необычное... Сквозь плеск волн и далекий шум проходящего судна, сквозь подводные свисты прорывается новый звук. Щелчки.

Так щелкают кашалоты. Но и дельфины тоже так умеют. А мы как раз видим вереницу дельфинов, прошивающую бликующие на солнце волны.

Так чьи же это голоса?

Шейн вслушивается изо всех сил, прижав руки к наушникам и закрыв глаза, пытаясь отделить приглушенные расстоянием щелчки от других звуков океана. Чтобы отсечь часть лишних шумов, он погружает в воду направленный микрофон. В сущности, это тот же гидрофон, только помещенный в салатную миску и закрепленный на палке вроде черенка от метлы – импровизированная пародия на высокие технологии. Миска ограничивает сектор действия микрофона тем направлением, куда он обращен, прикрывая его от звуков,

идуших с других сторон. Поворачивая палку, можно локализовать звуки. Это примерно как если бы мы прислушивались под водой, приложив ладонь к уху.

«Не близко. Точно не близко».

Я вглядываюсь в рябую поверхность моря. Неясную, ослепляющую, волнующуюся на ветру. Уныло-безжизненную.

Шейн поворачивает палку с направленным микрофоном. Козырек низко надвинут, лицо сосредоточенное – он весь обращен в слух. Наконец он сообщает: «Есть. Может, четыре. А может, и пять китов... – он делает паузу, продолжая поворачивать салатницу под водой. – Один к северо-востоку. Остальные к югу от нас».

Исполненные ожиданий, мы поворачиваем в южную сторону. Волнение здесь еще сильнее. Расстояние небольшое, но мы вымокаем с ног до головы. Шейну не нравится все время врезаться в налетающие на нас и окатывающие брызгами волны.

Этот день мы посвятили китам. Вернее, их поискам. И попыткам разобраться, кого мы нашли. День начинается с неясных щелчков, открывающих перед нами возможность раскрыть секреты кашалотов. Далеко отсюда, где-то на большой глубине, они вышли на охоту и с помощью щелчков определяют, что таится в темноте перед ними.

Левиафан обитает в мире звуков. И участвует в их со-

здании. Киты почти постоянно слышат сигналы дельфинов, других китов и членов собственной семьи. Находясь глубоко под водой, они почти непрерывно издают и слушают эхолокационные щелчки.

Жак-Ив Кусто дал своей знаменитой книге название «В мире безмолвия»⁵. Красиво сказано – но не совсем справедливо. Море наполнено самыми разными звуками. Это призывы. Сообщения. Предостережения. Приветствия. Любовные песни. Переключки сородичей. А еще шум двигателей, выстрелы пневмопушек и прочий звуковой мусор. Поскольку плотность воды в 800 раз больше плотности воздуха, скорость распространения звуковых волн здесь в четыре раза выше, что делает толщу океана великолепной средой для акустического общения. Вот почему столь многие животные, от креветок до китов, овладели способами передавать друг другу звуковые послания посредством воды. Некоторые из них – раки-щелкуны, раки-богомолы, а возможно, и кто-то из дельфинов – научились использовать звук в качестве шокового оружия. Так как в вертикальных срезах толщи океана плотность воды заметно варьирует в зависимости от ее температуры и солености, такая слоистая структура создает особые условия для распространения звуковых волн: «правильно настроенный» сигнал может многократно отражаться от границ этих слоев и распространяться на большие расстояния, примерно как радиосигналы передаются с одного

---

⁵ Кусто Ж.-И., Дюма Ф., Даген Д. В мире безмолвия. – М.: Знание, 1966.

ретранслятора на другой. Вот почему синие киты и финвалы, издающие самые низкочастотные звуки, могут поддерживать акустическую связь друг с другом и путешествовать «вместе», даже находясь на удалении в сотни километров один от другого. Так что океан – отнюдь не тихое место: он весь пронизан звуками.

Эхолокационный сигнал кашалота – самый мощный направленный звуковой сигнал, который способно издавать живое существо. Интенсивностью около 200 децибел, это один из самых громких звуков в мире. Кашалоты концентрированно выбрасывают энергию, направляя ее перед собой. Нашим прибором такой сигнал можно засечь на расстоянии в пять километров в любом направлении от кита; это означает, что он в буквальном смысле заставляет вибрировать несколько кубических километров морской воды, создавая вокруг себя своего рода энергетическую оболочку – огромную сферу, пронизанную звуковыми волнами.

Эхолокационные щелчки кашалота обладают такой мощностью и проникающей способностью, что, по сути, эти животные могут видеть некоторые вещи насквозь, как в рентгеновских лучах. Люди, находящиеся в воде рядом с кашалотами, иногда чувствуют, как их в прямом смысле сканируют быстрыми сериями хорошо слышимых щелчков, которые ощущаются как вибрация. Об одном осиротевшем, ослабленном и почти умирающем китенке с пневмонией, выбросившемся на берег, Ричард Эллис написал: «Он издал такой

громкий "хлопок", что мою руку просто сбросило с его носа»⁶.

Мы останавливаемся. Шейн снова опускает в воду направленный гидрофон и тут же докладывает: «Немного севернее».

Сердце у нас начинает биться быстрее. Это уже похоже на охоту.

Через несколько километров уверенного движения на север мы глушим мотор. И теперь я четко и ясно различаю звук: как будто кто-то размеренно постукивает ногтями по столешнице.

Кашалоты. На этот раз точно они. Но мы слышим их очень недолго. Постукивание смолкает. Почему?

«Должно быть, они всплывают».

Когда кашалоты прекращают охоту, они перестают издавать эхолокационные сигналы и просто начинают долгий подъем наверх, к солнцу, чтобы вдохнуть.

Шейн уверяет, что, поскольку времени с момента прекращения щелчков прошло уже много, мы вот-вот увидим на поверхности фонтан хотя бы одного кашалота. Но на исчерченной ослепительно-белыми полосами поверхности океана, бликующей, как дискотечный зеркальный шар, можно не заметить даже кита.

Мы вглядываемся в волны до боли в глазах, высматривая

---

⁶ Ellis, *Great Sperm Whale*, p. 4.

среди бликов свидетельство китового дыхания. Лодку болтает. Море волнуется. Вода невыносимо сверкает.

Наушники дают знать, что слабые, далекие щелчки доносятся откуда-то с северо-востока.

«Надо же, как широко они разошлись сегодня», – замечает Шейн.

Но киты без труда слышат друг друга. А для них слышать членов своей семьи означает «быть вместе».

«Так, хорошо, – командует Шейн. – Двигаемся на северо-восток, попробуем засечь основную группу. Посмотрим, кто там есть».

В детстве Шейн был из тех мальчишек, что выращивают в бассейне головастика и наблюдают, как гусеницы превращаются в бабочек. В восемь лет он решил, что хочет стать морским биологом. А в 20 лет он впервые увидел кита. Это зрелище так его потрясло, что он написал по электронной почте письмо самому передовому исследователю кашалотов, Хэлу Уайтхеду. Последовали долгие недели ожидания – а потом Уайтхед ответил, и жизнь Шейна перевернулась.

До того как Шейн и Уайтхед впервые вышли в море в этих краях, уже ходили слухи, что возле Доминики обитают кашалоты-«резиденты». Но Уайтхеду было известно, что тихоокеанские кашалоты ведут кочевой образ жизни. Прежде ученым не доводилось наблюдать «резидентные» популяции кашалотов, так что они с Шейном отнеслись к этим слухам

скептически.

Но в первый же час пребывания в этих водах они обнаружили группу китов, которую назвали семьей «Т». А потом встретили и другую группу, которую окрестили «Семеркой», – и провели с ней 41 день подряд, чего никто никогда раньше не делал. Со временем они познакомились здесь еще с полудюжиной семей. За всю краткую историю изучения этих мифических гигантов ни один человек не был допущен к тайнам их существования настолько близко.

Теперь по внезапно повисшему молчанию мы понимаем, что кашалоты, замеченные к северо-востоку от нас, поднимаются на поверхность – через резкие смены давления, температуры и освещенности, ощущая, как воздух вновь раздувает спавшиеся на глубине легкие. Из непостижимого для нас мира где-то в толще морской оболочки планеты они всплывают к ее выпуклой поверхности – к границе миров, к привычному нам теплу, к общему для всех воздуху.

«Фонтан!» – кричит капитан Дэйв. «Да!» – подхватывает Шейн.

Примерно в полутора – двух сотнях метров от нас из массивной громады китовой головы с шумом вырывается наклоненный влево столб белесого пара – взрывающий океан клин длиной с добрую треть всего тела гиганта. В отличие от прочих видов китов, у кашалота дыхало расположено не на верху головы, а на конце морды, примерно там, где мы обычно

ожидаем видеть у млекопитающих ноздри. Открыванием и зажиманием этой причудливой единственной ноздри, обращенной влево, управляет утолщенный мышечный клапан.

На ветру струя пара быстро рассеивается. Кит делает еще несколько мощных выдохов. Выдох, потом 10–12 секунд паузы. Выдох. Еще около 12 секунд. Выдох. Такое дыхание длится несколько минут, необходимых, чтобы очистить и насытить кислородом несколько бочек истощенной крови. Из-за того что под сильным давлением легкие кашалотов спадаются, запас кислорода, который они уносят с собой на глубину, заключается не в набранном воздухе, а в мышцах.

Мы подбираемся ближе, чтобы лучше видеть. Теперь самка-кит где-то в 45 метрах и направляется к нам. Кожа на ее голове гладкая и упругая, как полиэтиленовая пленка, а на остальном теле морщинистая – такая поверхность дробит ламинарное течение воды и снижает трение при движении. Глаза у нее относительно невелики, в черных холодных глубинах толка от них не так уж много. А общие размеры тела кита таковы, что почти часовой спуск на глубину и подъем обратно перестает казаться чем-то невообразимым. Ее мощный эхолот проникает любую тьму. Могучий слой жира защищает от самого сильного холода. Кашалот в совершенстве приспособлен к любым крайностям своего существования.

Она снова выпускает фонтан, а потом, опустив массивную голову и выгнув исполинскую спину, погружается, уходя прочь от воздуха и солнечного света и взмахнув на прощанье

черными лопастями хвоста. Этот широкий хвост на могучем стебле раздвигает водные пласты, проталкивая свою обладательницу вниз, в поглощающую ее пучину, где на глубине в сотню длин ее тела водится добыча.

«Ну что ж, – неуверенно замечает Шейн, – интересно».

А я все перевариваю впечатление: кит слишком велик, чтобы его видеть. Человеческий взгляд способен выхватить только какую-то часть: голову, спину, хвост. Но он не в силах воспринять всего кита целиком. Когда-то, будучи в Риме, я сказал жене, Патрише: «Вот мы с тобой посмотрели фреску Микеланджело, где он изобразил Творца. Интересно, а как бы изобразил свое творение сам Творец?» Теперь мне проще найти ответ: он в этом море, в этих китах.

«Он нацелил свой сонар на нас, – говорит Шейн, по-прежнему прислушиваясь к звукам в наушниках, – а сейчас уходит вниз».

Сфокусированный сонар обстреливает нас быстрыми сериями щелчков. Иногда их бывает до 600 в секунду, и тогда на слух они воспринимаются как жужжание.

«Знаете, похоже, это кит-подросток», – говорит капитан Дэйв. «Да, небольшой. Но мне кажется, не тот, которого мы слышали первым».

Такие предположения, основанные на опыте, постепенно приведут к точной идентификации обнаруженной особи.

Пока же вопрос остается открытым. Кто это? Из какой он

семьи?

Внезапно в 400 метрах от нас взметается фонтан другого кашалота. Он движется быстро и уверенно – черная громада, рассекающая белое от солнца пятно на поверхности волн.

Мы выдвигаемся в сторону этого нового кита. Примерно каждые 10 секунд он выбрасывает фонтанчики насыщенного влагой воздуха, очищая кровь и заново насыщая ее кислородом.

Совсем рядом, на расстоянии всего в корпус лодки, неожиданно выныривает китенок длиной от силы 4,5 метра.

«Глуши! Глуши мотор! – кричит Шейн. – Его мать прямо здесь!»

Я смотрю вниз – и, потрясенный, замираю. Я вижу прямо под собой темную морду огромного кашалота. Я даже не сразу понимаю, на что именно я сейчас смотрю.

«Она спит, – поясняет Шейн, – вертикально».

Наконец до меня доходит: мать китенка отдыхает, зависнув в воде носом вверх. Хвоста отсюда не видно, ее тело слишком огромно. Это ее фонтан мы заметили самым первым.

Кашалоты спят в вертикальном положении.

«Им то и дело приходится подниматься, чтобы вдохнуть», – говорит Шейн.

Киты никогда не дышат машинально, вдох и выдох они делают сознательно.

Китенок движется, коротко занырявая на небольшую глу-

бину.

«Этому детенышу приходится погружаться и тереться об область соска, чтобы молоко начало выделяться. Так мы обычно понимаем, что молодой еще на отнят от груди».

Молоко – это, по сути, жидкая форма матери. Растущие детеныши млекопитающих состоят исключительно из материнского молока, преобразованного в плоть и кровь, кости и прочие растущие и развивающиеся системы, в биение пульса и сытое мурлыканье. Большинство кашалотов кормят потомство четыре-пять лет, хотя некоторые делают это гораздо дольше. Среди отмеченных здесь китят самый старший оставался сосунком в восемь лет. Известный рекорд составляет 13 лет. Самки не беременеют снова, пока не откормят предыдущего детеныша. Они могут жить до 65 лет, но возраст самой старшей беременной самки составлял 41 год⁷.

В разных семьях к кормлению китят подходят по-разному. В «Семерке» детеныш сосет только свою мать. В семье «J» принято совместное вскармливание. В семье «Т» самка Терека, у которой никогда не отмечали размножения, помогала выкармливать двух малышей, Топа и Тёрнера. «Иногда они оба сосали одновременно, пристроившись по сторонам от нее, – вспоминает Шейн, – по одному на каждый из двух сосков. Это удивительно!»

Как такое могло получиться? Почему?

«Просто в семье "Т" так принято».

---

⁷ Whitehead, *Sperm Whales*, p. 123.

В «Семерке» Диджит было три года, ее уже отняли от груди, но потом она запуталась в рыболовных снастях и потеряла возможность нормально плавать. Когда оказалось, что Диджит не способна двигаться как нужно, ее мать, Фингерс, снова начала кормить ее. Сейчас Диджит уже шесть лет, она по-прежнему таскает на себе обрывки снастей – и по-прежнему сосет мать.

Для кашалотов семья – это все. В первые годы, когда Шейн только начинал работать здесь, семья, которую он прозвал «Семеркой», имела обыкновение проводить время с семьей, которую прозвали «Приборной». Самка-подросток по кличке Кэн-Оупенер любила играть с молодняком «Семерки» – китятами Твик и Энигмой. После того как с Диджит случилась та неприятность со снастями, обе семьи долгое время держались вместе, как единое целое. Может, потому что сознавали, что Диджит в беде? (Веревка, затянутая на стебле хвоста Диджит, будет по мере ее роста все глубже врезаться в тело и однажды, скорее всего, убьет ее. Но Диджит и сейчас двигается слишком быстро, чтобы люди могли попытаться оказать ей помощь.)

Семьи, особенно сильно привязанные друг к другу, принято называть «дружественными группами». Этот термин впервые начали применять исследователи, изучающие слонов, – он подразумевает семьи, связанные прочными дружескими узами. В сущности, по социальной структуре каша-

лоты ближе именно к слонам, чем к другим китообразным. Сходств между ними очень много: крепкие, устойчивые семьи, состоящие из самок с зависящими от них детенышами; группы вполне половозрелых холостяков, которые годами откладывают участие в размножении, чтобы не конкурировать с могучими старшими самцами; бросающаяся в глаза разница в размерах между самками и самцами в расцвете сил; обладание самым большим мозгом в своей среде; и даже их зубы. И у тех и у других самки на всю жизнь остаются в той семье, где они появились на свет, и потомство приносят только там. Слоны-самцы покидают матерей в подростковом возрасте, и то же самое делают кашалоты. Некоторые кашалоты из одной семьи могут на несколько часов или дней отделиться от своих и путешествовать с другой семьей, а потом вернуться. Очень похоже ведут себя и слоны. Мне случалось наблюдать за стадами слонов, которые выглядели как большая единая группа, иногда насчитывающая многие сотни особей. Но к концу дня она распадалась на множество групп поменьше – на отдельные семьи, которые расходились по холмам туда, где намеревались провести ночь. Когда такие семьи сливались, я был не в состоянии отследить, кто есть кто. Но сами слоны прекрасно знали, с кем они, – точно так же, как вы прекрасно узнаете членов вашей семьи даже в плотной толпе.

Сейчас кашалоты могут пробывать на поверхности всего

несколько минут, а могут и задержаться подольше. Типичный час из жизни взрослого кашалота включает в себя долгое погружение на глубину, где есть добыча, охоту, а затем подъем и промежуток примерно в 10 минут, чтобы подышать. Однако бывает, что кашалоты занимаются чем-нибудь еще. «Время от времени они вдруг решают немного расслабиться, – говорит Шейн, – отдыхают и общаются часок-другой».

Молодой кашалот круто уходит под воду. Обычно детеныши этого не делают, но...

«Кода!»⁸ – кричит Шейн.

Из наушников несутся короткие серии щелчков. Кодами называют не обычное размеренное щелканье китового сонара, а серии с переменной пульсацией, включающие от трех сигналов до порой четырех десятков, чем-то напоминающие морзянку. У кашалотов это своего рода индивидуальные позывные. Или, если угодно, декларация принадлежности. Обмениваясь кодами, кашалоты представляются, выясняют личности других китов и определяют, что за группа им встретилась – та, с которой можно пообщаться, или та, которой лучше избегать⁹.

Киты часто сопровождают кодами свои перемещения, в

---

⁸ Здесь имеется в виду музыкальный термин «кóда», а не «код» (множественное число у них совпадает). – *Прим. ред.*

⁹ Oliveira, C., et al. 2016. "Sperm Whale Codos May Encode Individuality as Well as Clan Identity." *Journal of the Acoustical Society of America* 139: 2860–69.

том числе когда занырявают на глубину и всплывают на поверхность, или когда здороваются с членами своей семьи, или встречают самца, или чувствуют присутствие хищников. Когда Хэл Уайтхед, положивший начало изучению кашалотов, впервые стал свидетелем появления на свет детеныша, он отметил: «В момент рождения обмен кодами звучал особенно интенсивно»¹⁰.

В наушниках разворачивается пестрая звуковая картина: глубокое, отдаленное тиканье эхолокационных щелчков и близкое потрескивание код – такое громкое, что кажется, будто кто-то издает его прямо у меня над ухом. Признаться, когда я впервые надел наушники, то подумал, что это капитан Дэйв с хрустом разминает кисти у меня за спиной, нарочно мешая мне. Ясность и сила позывных кашалотов изумляет меня. Звучат они примерно так: «Один. Два. Три-четыре-пять».

Никто толком не понимает, что за информация зашифрована в этой китовой морзянке. Кроме, конечно, самих животных – они-то точно знают, о чем идет речь.

Мать, которая спала в водной толще, теперь оживленно обменивается кодами с другими китами. Это похоже на переключку, вызов-ответ. «Я здесь», – говорит один. «А я вот», – отвечает другой. Чем не разговор? По всей видимости, детеныш решил нырнуть, чтобы поприветствовать кого-то прибывшего.

---

¹⁰ Whitehead, *Voyage to the Whales*, p. 151.

И вот рядом с матерью появляется еще одна взрослая самка. Три кита отдыхают на поверхности бок о бок и мерно дышат. Детеныш справа, самая большая самка слева. Я чувствую, как глубоко они расслабляются после физического усилия. Каждый напряженный выдох выбрасывает в воздух облачко пара, в котором вспыхивает маленькая радуга и тут же рассеивается на морском ветру.

Оба взрослых кашалота погружаются под воду, чтобы зависнуть вертикально и отдохнуть. Всего несколько минут – и детеныш начинает бить по воде, поднимая внушительные фонтаны брызг. Даже у совсем маленького кашалота хвост достаточно большой, чтобы хлопки производили впечатление. Похоже, малышу надоело бездействие. Мы насчитываем 21 хлопок.

«Видно, он хочет сказать: "Давай, мам, просыпайся уже"», – смеется Шейн.

Тем временем он не забывает слушать двух других кашалотов, которые, похоже, находятся километрах в двух отсюда. Потом они умолкают.

Несколько мгновений тишины – и еще один кит, взрослая самка, всем телом мощно возносится над океаном примерно в 300 метрах от нас, слегка выгнув спину. Падая обратно, она как будто нарочно ударяет головой о поверхность воды так, чтобы грохот получился максимально эффектным. Во второй раз она прыгает с широко раскрытыми челюстями, и из углов ее пасти струится вода. Это зрелище – тако-

го я больше не видел никогда – само собой моментально запечатлевается в моей памяти с фотографической точностью. Она занывает на некоторую глубину, разворачивается обратно к солнцу и принимается работать широким хвостом с силой, достаточной, чтобы подбросить ее массивное тело в воздух. За этим прыжком следуют еще четыре. Мы ошеломлены грандиозной массой и мощностью животного.

Самку зовут Иокаста. Край ее хвостового плавника выглядит неровным: он весь в порезах и выемках; возможно, это следы укусов акул или малых косаток. Такие повреждения со временем рубцуются и заживают, но травмированная плоть уже не восстанавливает своей прежней формы. Ранения, полученные кашалотом в течение жизни, создают уникальный набор шрамов, которых вполне достаточно для однозначного опознания. У Иокасты на хвосте две выемки в форме раковины морского гребешка. Это ее киты, из семьи «J».

Семьи

Глава вторая

Когда-то в прошлом группа кашалотов обнаружила, что здесь, у этих островов, стоящих по плечи в океане, с избытком хватает пищи. И если, по выражению Шейна, они подумали: «Пожалуй, нам стоит остаться здесь» – и вроде как все согласились с этим, то общение и взаимодействие могло способствовать их выживанию. Но, прежде чем прийти к такому соглашению, кашалотам следовало определиться, что означает «мы». Иными словами, им нужно было понять, кто они такие и к какой общности принадлежат, а также какие киты к этому «мы» не относятся.

Удивительным образом кашалоты, причем по всему миру, приобрели способность различать разные группы своих сородичей, отличая определенные семьи и объединения семей, которые принято называть кланами. Эти киты распознают отдельных особей и их принадлежность к той или иной группе по кодам – и с их же помощью объявляют о собственной идентичности. У детенышей кашалотов, как у человеческих младенцев (а также у детенышей обезьян, дельфинов и птенцов некоторых видов птиц), тоже есть период «детского лепета». Но, достигнув возраста около двух лет, они уже вполне овладевают семейными кодами. Наши дети учат язык той общности людей, в которой они родились; маленькие ки-

ты учат коды своей семьи и своего клана. Каждый в семье – личность, жизнь которой исполнена таких же важных, неповторимых и насущных подробностей, как жизнь любого из нас. На просторах открытого океана и во тьме абиссали¹¹ на протяжении десятилетий они приобретают главное, как объясняет Шейн, – то, что они есть друг у друга.

Долгое наблюдение за китами, обитающими в этих водах, навело его на мысль – столь же очевидную, сколь и глубокую: у каждого из них есть жизнь. Столетиями люди стремились узнать о китах лишь одно: как их лучше убивать. И только потом, когда было уже почти поздно, мы приобрели к ним толику уважения. Но наш новый интерес к китам зародился так недавно, что Шейн Геро – один из первых, кому пришло в голову задаться вопросом о китах, а сводится этот вопрос к следующему: «Что такое жизнь для них?»

«Когда мы сидим дома, или оплачиваем счета, или занимаемся с детьми, или работаем, – замечает Шейн, – кашалоты Рокес, Роджер, Райот и Рита охотятся, заботятся о детеныше, общаются, отдыхают – в общем, по большей части проводят время вместе. Их жизнь идет, и идет параллельно с нашей».

Через эти воды проходит около двух дюжин китовых се-

---

¹¹ Абиссаль (от греч. ἄβυσσος – «бездонный») – зона наибольших морских глубин – глубже 3000 м, характеризуется полным отсутствием дневного света. – *Прим. ред.*

мей. За те 15 сезонов, что Шейн провел здесь, некоторые семьи он встречал лишь единожды. Около 16 из них появляются здесь более или менее регулярно. И с десятком Шейн знаком достаточно близко, чтобы распознавать по форме хвостовых плавников их представителей.

За 15 сезонов Шейн провел в непосредственном контакте со здешними китовыми семьями в общей сложности около 600 дней. И это, конечно, куда меньше времени, чем было потрачено на подготовку к изучению кашалотов, на организацию исследовательских работ, на обучение кадров для проведения исследований, на написание проектов в различные фонды, поддерживающие изучение китообразных, на обработку данных по миграции семей, а также на написание, правку и публикацию статей в научных журналах. Если быть кашалотом означает с головой погрузиться в то, что составляет жизнь кашалотов, и полностью сосредоточиться на семье, то Шейн Геро, пожалуй, имеет основания считать себя настолько близким к этим животным, насколько такое вообще возможно для человека. У здешних кашалотов культура, социальная жизнь, общение, генетика, пути перемещений и рацион изучены лучше, чем у любых других кашалотов в любой другой части земного шара, – и это достижение Шейна.

«Я не тешу себя иллюзиями, будто киты знают, кто я такой, – объясняет он. – Но я потратил очень много времени и сил, чтобы узнать, кто *они* такие. И, несмотря на огромные физические отличия их среды обитания от нашей, все, что

мы успели узнать о них к настоящему времени, очень... – он делает паузу, подыскивая подходящее слово, – очень *роднит* их с нами».

Собственно, ключевой вопрос, как несколько загадочно объясняет Шейн, заключается в «ином представлении о том, что такое "мы"». И добавляет: «Главное, чему я научился у китов, – что ваше представление о мире определяется тем, с кем вместе вы этот мир воспринимаете. "Кто вы" зависит от того, "с кем вы". Основной вывод о жизни кашалотов состоит вот в чем: самое важное в жизни – семья. Если бы работа с китами когда-нибудь оказалась для меня важнее моей собственной семьи, это означало бы, что я так и не усвоил главный урок, который преподали мне кашалоты: учись у бабушки; люби маму; проводи время с братьями и сестрами; разделяй груз необходимого с другими. Проводя столько времени с китами, я стал по-другому оценивать и то, что значат для меня люди. Жизнь кашалота сложна: в ней хватает и радостей, и трудностей, и все, что он переживает, похоже – хоть и на другой лад, конечно, – на то, что приходится переживать нам, на наши главные заботы. Попытки понять, что больше всего ценят в жизни киты, помогли мне осознать, что больше всего ценю я сам. Когда я постигал, что значит быть кашалотом, я пришел к пониманию, что для меня значит быть собой».

Я замечаю, что так, вероятно, мог бы выразиться капитан Ахав после 20 лет психотерапии. Сразу чувствуется, что ки-

ты не просто интересуют Шейна – он ими по-настоящему одержим. Все его мысли, все усилия направлены на то, чтобы следовать за ними всю оставшуюся жизнь. И очевидно, что ему не дает покоя отношение людей к этим животным – и прошлое, и то, которое есть сейчас. Будущее заметно тревожит Шейна, но он пока не представляет, как станут развиваться события.

Молчание затягивается. Похоже, Шейн высказал все, что хотел. Но тут он добавляет – медленно, с нажимом: «Нам необходимо... – пауза – найти способы... – пауза – сосуществовать. Каждый год киты умирают – прерываются сложные, насыщенные жизни. И никто даже не замечает! А для меня это горе, потому что *я-то их знаю*. Конечно, я не могу ожидать, что другие люди узнают их так же близко, как я. Я не могу ожидать, что кто-то еще будет проводить тысячи часов в компании с кашалотами. Но у меня есть обязательства перед ними: я должен сделать так, чтобы они стали важны. Я борюсь за то, чтобы люди стали проявлять участие к китам. Я уже потратил пятнадцать лет на то, чтобы понять, каково это – быть китом. И они помогли мне осознать, как стать лучшим человеком. А теперь я должен подумать: что я могу сделать *для них*? И это не дает мне покоя».

Размышляя о культуре, мы в первую очередь имеем в виду человеческую культуру, то есть *нашу собственную*. Мы думаем о компьютерах, самолетах, моде, спортивных коман-

дах, эстрадных звездах. Но на протяжении большей части человеческой истории ничего этого не существовало. Сотни тысяч лет ни в одной человеческой культуре не было орудий с движущимися деталями. И вплоть до XX века многие культуры собирателей, от тропических стран до Арктики, продолжали использовать орудия из камня, дерева или кости. И мы вроде как жалеем племена охотников-собирателей, застрявших в примитивной простоте, – но мы неправы. Они обладают широчайшими познаниями, им известны самые сокровенные тайны их земли и обитающих на ней существ. И они живут насыщенной жизнью, которая приносит им радость. Мы можем сказать это определенно, потому что, когда их привычному укладу что-то угрожает, они готовы до смерти сражаться за его сохранение. Как ни печально, но иногда именно так и происходит, когда последние представители первобытных племен становятся жертвами горнодобывающих или лесозаготовительных компаний или когда их земли захватывают под пастбища или плантации те, для кого деньги важнее человеческой жизни. Вот, возможно, самая яркая особенность *нашей* культуры. Мы застали последние времена этих племен – и в той или иной степени сами способствуем тому, чтобы их времена стали последними. В конце концов может оказаться, что наши представления о ценностях погубят нас самих.

Значение культурного разнообразия в пределах человечества долгое время недооценивали. Многие культуры бы-

ли утрачены навсегда. Что уж говорить о культурах нечеловеческого мира – их важность не осознается до сих пор. Наши представления о них пребывают в самом зачаточном состоянии. Последние 30 лет или около того биоразнообразие, то есть разнообразие всех живых организмов на Земле, принято рассматривать на трех основных уровнях: внутривидовое генетическое разнообразие, межвидовое генетическое разнообразие и разнообразие сред обитания (травянистые сообщества, леса, пустыни, океаны и т. д.). Но в живом мире есть и четвертый уровень разнообразия, который только-только начинают признавать, – культурное разнообразие. Понятие культуры включает в себя знания и умения, которые могут передаваться от одной особи к другой и от одного поколения к другому. Это те вещи, которые усваиваются *социальным путем*. Особь получает их от других членов популяции. Такое знание основано не только на инстинктах. Оно не наследуется генетически. Культура – это то, чему можно научиться и что можно передать другим. Мы в наших представлениях о разнообразии жизни только начинаем понимать: знание, которому можно научиться и которым можно делиться с другими, тоже зачастую имеет ключевое значение для выживания.

Детенышу кашалота приходится учиться очень многому. Способность нырять на большую глубину приобретает только с годами. Молодняк учится, сопровождая матерей или других взрослых китов. Прежде чем начать пользоваться

ся собственным сонаром, детеныши сначала подслушивают, черпая информацию из эха от сигналов взрослых членов своей семьи и постепенно усваивая, как можно обнаруживать, а потом преследовать добычу на слух. Есть и другие вопросы, ответы на которые они находят в процессе обучения. Где среди глубинных течений и подводных склонов выбрать лучшее место для охоты? Как кашалоты путешествуют и куда следует отправляться при смене времен года? Возможно, юным китам приходится *полностью* учиться этой премудрости. Возможно, что они, как и слоны, целиком полагаются на знания старейшей особи в стаде, выбирая, куда отправиться, когда пища оскудевает. Но как нам, людям, понять, какие формы поведения и навыки китов существуют лишь потому, что они *научились* им у других?

Отличить элемент культуры можно по тому, что им обладают не все. Например, едят все особи без исключения; следовательно, употребление пищи к культуре не относится. Но не все пользуются палочками для еды; значит, палочки – уже элемент культуры. Все шимпанзе лезут по деревьям; это не культурное приобретение. Некоторые популяции шимпанзе колют орехи, положив на один камень и колотя другим, но не все популяции, обитающие там, где есть орехи, пользуются таким способом. Это особенность культуры. Различия между группами в привычках, традициях, навыках использования орудий – вот что такое культура.

Когда в 2009 году Африку поразила сильнейшая засуха,

погибли сотни слонов. Выживаемость оказалась намного выше в тех семьях, которыми управляли матриархи, достаточно старые, чтобы помнить, как их семьи выжили в прошлую суровую засуху, случившуюся более 20 лет назад, и которые сумели привести свои группы к уцелевшим водопоям. Из 58 слоновьих семей, населяющих национальный парк Амбосели в Кении, одна потеряла 20 членов, а семья «КА» – ни одного. Потому что в семье «КА» предводительствовали две огромные самки, Керри и Кира, которым на момент засухи исполнилось 40 и 39 лет соответственно.

«Достаточно старые, чтобы быть мудрыми», – сказала мне о них легендарная исследовательница слонов Синтия Мосс. Семья «КА» проводила много времени в северной части заповедника. «Не то чтобы там было намного лучше в смысле безопасности, – говорит Синтия. – Но все же, видимо, они поступали правильно, и я склонна приписать это знаниям и опыту двух старых слоних. На самом деле в период с две тысячи пятого по две тысячи девятнадцатый, то есть за четырнадцать лет, они потеряли всего одного детеныша. И это просто чудо».

Подобно кашалотам, слоны живут в семьях, где возраст и жизненный опыт имеют большое значение. Они учатся у старших, куда идти, если случается кризис. Не получив нужных сведений от старых носителей знания, они погибнут. Это и есть культура.

До 1960-х годов многие думали, что дельфины, в сущно-

сти, мало чем отличаются от рыб. Но начиная с этого времени Кен Норрис научно доказал, что главное качество дельфинов – гибкая способность к обучению, в результате которой поведение в разных группах начинает заметно различаться. К концу 1980-х годов Норрис и другие исследователи определили межгрупповые различия в поведении дельфинов как «чисто культурные»¹².

Местные привычки или традиции могут удерживать особей вместе – и при этом разделять разные группы. Иногда такие культурные маркеры тех или иных общностей могут даже способствовать враждебным отношениям. Особенно примечательны в этом смысле люди (достаточно вспомнить языки, флаги, военную униформу и т. д.).

Долгое время культурные различия считались «исключительной особенностью» людей. Но сейчас мы уже знаем, что люди – отнюдь не единственные, кто использует разного рода сигналы для обозначения своей групповой принадлежности, подчеркивания межгрупповых различий и поддержания разобщенности групп. Кашалоты, гринды¹³, косатки по звукам умеют определять, какое стадо сородичей можно тепло поприветствовать, а с каким лучше не встречаться. Слоны тоже

---

¹² Norris, K. S., and C. R. Schilt. 1988. "Cooperative Societies in Three-Dimensional Space: On the Origins of Aggregations, Flocks and Schools, with Special Reference to Dolphins and Fish." *Ethology and Sociobiology* 9: 149–79.

¹³ Van Cise, A. M., et al. 2018. "Song of My People: Dialect Differences Among Sympatric Social Groups of Short-Finned Pilot Whales in Hawai'i." *Behavioral Ecology and Sociobiology* 72: 193.

знают, с какой семьей они в дружеских отношениях, а от какой предпочтительнее держаться подальше. Слоны, приматы и некоторые другие виды легко различают, кто принадлежит к их группе, а кто чужак. Тысячи видов птиц узнают своих партнеров и владельцев соседних участков, но жестко изгоняют посторонних. Реакция человекообразных обезьян при встрече с другими группами варьирует от убийственно-жестокой (у шимпанзе) до добродушно-игривой (у бонобо). Волки даже в пылу ожесточенных схваток между семейными стаями без малейших колебаний распознают, кто свой, а кто чужой. Они не носят фуражек с кокардами, но всегда понимают, кто на их стороне (члены их семьи), а кто на стороне противника. Групповая идентичность и сознание принадлежности к определенной группе долгое время рассматривались как определяющий признак человеческой культуры. Но в действительности ничего исключительно человеческого в них нет.

С точки зрения нашего восприятия единственные различия между так называемыми «северными» и «южными» резидентными популяциями косаток, обитающих в северо-восточной части Тихого океана, заключаются в разнице их вокальных диалектов. Оба сообщества питаются преимущественно лососем, и между их представителями нет каких-либо существенных физических или генетических различий. Казалось бы, у них все одинаковое, в том числе и неприязнь к сообществу, которое они считают чужим. Обе эти популя-

ции избегают смешивания в силу исключительно *культурных* причин. Такое саморазмежевание устойчивых культурных групп до недавнего времени считалось настолько исключительным, что исследователи называли его «не имеющими аналогов, кроме как у людей»¹⁴. Но сейчас оказывается, что подобная культурная самоидентификация и сегрегация распространены в животном мире гораздо шире, чем мы подозревали раньше.

Помимо уже перечисленных примеров, некоторые летучие мыши, птицы и многие другие животные способны индивидуально различать своих сородичей по щелчкам, вою, трубным звукам, песне – один словом, по голосу. Поскольку голос является опознавательной характеристикой особи, он становится символом ее идентичности¹⁵. Так, тревожные сигналы обозначают опасность – появление врага. А чтобы символ работал, должно существовать *понимание*, что он означает. У обезьян и птиц существуют отдельные сигналы тревоги для змеи, хищной птицы и кошки. Такие сигналы – это, по сути, слова для обозначения разных типов опасности, чтобы сородичи сразу знали, что делать: смотреть вниз, или смотреть в небо, или лезть на дерево. Другие виды, предположительно, не способны создавать и использовать символы.

---

¹⁴ Rendell, L., and H. Whitehead. 2001. "Culture in Whales and Dolphins." *Journal of Behavioral and Brain Science* 24: 309–82.

¹⁵ Ribeiro, S., et al. 2007. "Symbols Are Not Uniquely Human." *Biosystems* 90: 263–72.

Но скажите об этом *им*.

Кашалоты растят своих детей сообща, все вместе. По-видимому, необходимость в надежных няньках и есть основная причина, побуждающая их жить устойчивыми группами¹⁶. Никакие другие крупные китообразные, будь то горбачи, синие киты, финвалы, серые киты, не образуют стад, в которых одни и те же особи постоянно держались бы бок о бок на протяжении десятилетий. Кашалоты обычно проводят жизнь недалеко от собственных матерей, в окружении родственников, в сообществе, сама структура которого нацелена на заботу о молодняке. Предшественники и наставники Шейна в профессиональном изучении кашалотов, биологи-первопроходцы Хэл Уайтхед и Люк Ренделл, называли это «материнской культурой»¹⁷. С тем же успехом ее можно было бы назвать «культурой нянек».

Детенышам кашалотов необходимо уметь плавать – иногда им приходится преодолевать 60–80 километров по морю в первый же день жизни. Однако – и это очень важно – детеныши редко способны нырять на большую глубину, так что они не могут следовать за матерью вниз, в великую холодную бездну с ее высоким давлением, где взрослые кашалоты проводят большую часть своей жизни. Детеныши остаются

---

¹⁶ Gero, S., and H. Whitehead. 2007. "Suckling Behavior in Sperm Whale Calves." *Marine Mammal Science* 23: 398–413.

¹⁷ Whitehead and Rendell, *Cultural Lives of Whales and Dolphins*, pp. 126–61.

среди волн, частенько следуя поверху за охотящимися внизу взрослыми, ориентируясь на их эхолокационные щелчки, или просто кружат у поверхности моря, дожидаясь, пока старшие наконец всплывут¹⁸. Оставаясь в одиночестве, они практически беззащитны. Косатки, правда, натываются на них довольно редко, но, если оказываются рядом, для малышей-кашалотов это смертельная опасность.

Из непростой ситуации кашалоты нашли такой выход: детеныши живут не только с матерью, но также с бабушкой и тетками, постоянно поддерживающими между собой акустический контакт. В семьях, где есть новорожденные, взрослые особи кормятся поочередно: пока одни ныряют и охотятся на глубине, другие – по крайней мере одна взрослая самка – держатся поблизости от уязвимого детеныша, присматривая за ним. Иногда может показаться, будто малыш предоставлен сам себе. Но при любом сигнале тревоги рядом с ним тут же появляется кто-то из родственников. Если опасность оказывается реальной, на клич о помощи немедленно собирается вся семья.

«Если в окрестностях появляются косатки или на поверхности случается еще какая-то неприятность, кашалоты вдруг начинают появляться словно ниоткуда», – говорит Шейн.

Другие крупные китообразные решают проблему безопасности новорожденных довольно разными способами. Боль-

---

¹⁸ Там же.

шинство китов приносит потомство в мелководных тропических морях. На этих относительно безопасных участках океана матери производят китят на свет и постоянно охраняют их. Но и здесь есть подвох: в теплых водах им нечего есть, и они вынуждены голодать на протяжении нескольких месяцев. Огромные киты питаются по большей части крохотными морскими существами – от веслоногих рачков размером не больше рисового зернышка до мелкой рыбешки, образующей колоссальные плотные косяки. Синий кит, рядом с которым и динозавры покажутся карликами, питается крилем – рачками вроде креветок размером примерно с человеческий мизинец, выцеживая их из океана миллионами. Но криль и мелкая рыбешка, которые служат кормом китам, обитают только в холодных водах. Поэтому каждый год матерям приходится мигрировать, расплачиваясь за возможность безопасно выкормить детеныша собственным длительным воздержанием от пищи. Серые киты, которые проводят кормовой сезон в Беринговом море, мигрируют в теплые лагуны Мексиканского залива, чтобы родить детенышей в безопасности. Гладкие киты для той же цели покидают залив Мэн и отправляются к берегам Флориды. Синие киты проделывают путь от Аляски до морей, омывающих побережья Центральной Америки, и приносят потомство там. Такой образ жизни присущ многим китам. Для горбачей, обитающих у берегов Новой Англии, зима означает миграцию в Карибское море. Некоторые горбачи перемещаются от Ан-

тарктического полуострова до Коста-Рики, преодолевая расстояние более чем в 8300 километров¹⁹ и пересекая экватор, прежде чем остановиться вблизи тропических побережий.

Кашалоты действуют иначе. Они приносят потомство там, где в избытке хватает пищи. Основная добыча кашалотов, кальмары, в изобилии населяют и теплые широты. Поэтому самкам кашалотов не нужно ни мигрировать, ни голодать. В чем тут подвох? А подвох в том, что до кальмаров нужно нырять на глубину в 600 метров, а детенышам такое не под силу. Получается, что мать должна проводить 5/6 своего времени вдали от детеныша. Именно эта дилемма больше, чем что-либо другое, побуждает кашалотов придерживаться той же социальной структуры, что и у слонов, – жить семейными группами под предводительством старших самок, где все хорошо друг друга знают и вместе оберегают детенышей.

Кашалоты устойчивы в своих привязанностях и часто проводят всю жизнь в одной и той же компании. Группы таких неразлучных спутников называют «социальными единицами»²⁰. Иногда они бывают образованы близкими родственниками, иногда нет. Связывающие их узы прочны и неподвластны ни времени, ни расстоянию. Раньше, когда еще про-

---

¹⁹ Rasmussen, K., et al. 2007 "Southern Hemisphere Humpback Whales Wintering off Central America: Insights from Water Temperatures into the Longest Mammalian Migration." *Biology Letters* 3: 302–5.

²⁰ Whitehead, *Sperm Whales*, p. 222.

цветал китобойный промысел, некоторые группы меченых самок продолжали держаться вместе и 10 лет спустя, на удалении в сотни километров²¹. Мы знаем об этом, потому что их так и убивали – вместе.

Впервые их стойкие семейные связи были описаны в книге Томаса Била «Естественная история кашалота» (*The Natural History of the Sperm Whale*), изданной в 1839 году и ставшей в свое время настоящим прорывом в человеческих представлениях об этих китах. Наделенный острой наблюдательностью, Бил, который знакомился с жизнью кашалотов с палубы китобойного судна, писал так: «Самки особо примечательны своею привязанностью к детенышам: нередко видели, как они помогают молодым избегать опасности с неустанной заботой и любовью»²². И еще он добавлял:

Не менее примечательны они и своей сильной тягой к общению и привязанностью друг к другу; эта привязанность их настолько велика, что, когда одна самка из стада была атакована и ранена, ее верные товарищи оставались рядом с ней до самой последней минуты или пока их самих не ранили... Эта привязанность выглядит взаимной и со стороны молодых китов, которых замечали неподалеку от кораблей даже по прошествии многих часов с того

---

²¹ Там же.

²² Beale, *Natural History of the Sperm Whale*.

времени, как их родители были убиты²³.

Поскольку пищевая специализация кашалотов играет определяющую роль в становлении их семейного уклада и, следовательно, культуры, здесь имеет смысл остановиться и внимательнее взглянуть на то, как, в сущности, удивительна и необычна пищевая адаптация этих китов. Мы уже упоминали исключительную глубину, темноту и холод, в которых кормятся кашалоты (главным образом кальмарами), используя свои превосходные сонары. Но давайте посмотрим, как они, собственно, едят. Здесь нам придется полагаться преимущественно на фантазию, поскольку до сих пор ни одному человеку не доводилось видеть, как кашалот ловит кальмара.

Крупнейшее зубастое существо на планете, он способен схватить кальмара длиной с просторную гостиную – эти виды имеют в названии определения вроде «гигантский» или «колоссальный». Затем следует нешуточная схватка. Но все же большинство кальмаров, которые служат добычей кашалотам, – как, например, распространенный здесь, у берегов Доминики, кальмар-ромб – достигают длины примерно в метр²⁴. Многие из них и того меньше. У самца кашалота, убитого возле Мадейры в 1959 году, в желудке обнаружи-

---

²³ Там же.

²⁴ Madsen, P. T., et al. 2007. "Clicking for Calamari: Toothed Whales Can Echolocate Squid *Loligo pealeii*." *Aquatic Biology* 1: 141. См. также: Kawakami, T. 1980. "A Review of Sperm Whale Food." *Scientific Reports of the Whales Research Institute* 32: 199–218.

ли 4000 кальмаровых челюстей. Из них 95 % принадлежали килограммовым кальмарам²⁵. Почти непостижимо, как кит длиной в 18 метров способен удовлетворять потребность в калориях, преследуя столь мелкие жертвы по одной. И у многих кальмаров, обнаруженных в желудках кашалотов, не было никаких отметин от зубов.

Чтобы представить себе, как едят кашалоты, давайте взглянем на их удивительно длинные и узкие челюсти. У всех прочих крупных китов, как и вообще у большинства млекопитающих, включая человека, челюсти по ширине примерно соответствуют голове. Встречающиеся исключения, скажем у муравьедов, указывают на чрезвычайно специализированный тип питания. Кашалоты отличаются исключительно тонкой и узкой нижней челюстью. На большей части ее длины обе половины челюсти срастаются в единую кость, усаженную загнутыми зубами длиной с человеческий палец. Зубы эти массивные, круглые в поперечном сечении, с вершинами без режущей кромки, то есть больше похожие на толстые морковки. Если рот кашалота закрыт, они утапливаются в углубления на беззубой верхней челюсти. Необычная узость нижней челюсти подразумевает особую технику охоты. Из всего известного мне в животном мире челюсть кашалота больше всего напоминает похожее на лезвие ножа подклювье морских птиц под названием водоре-

---

²⁵ Clarke, M. R. 1962. "Stomach Contents of a Sperm Whale Caught off Madeira in 1959." *Norsk Hvalfangst-tidende*, 173–91, цит. по: Ellis, *Great Sperm Whale*.

зы, которые выработали поразительный способ охотиться на рыбу: летя над самой поверхностью моря с раскрытым клювом, они словно вспарывают гладкую воду, выхватывая из нее добычу.

Все это навело меня на мысль: а не могут ли челюсти кашалотов действовать как грабли для ловли кальмаров? Коренное американское население северо-западного побережья Тихого океана некогда применяло подобную рыболовную снасть, нагребая в каноэ идущую плотными косяками сельдь. Жители северо-восточной части США использовали похожие грабли для массовой ловли угрей. Чтобы мое предположение обрело под собой основу, мне важно было узнать, могут ли кашалоты открывать пасть достаточно широко – близко к прямому углу. Когда я спросил Шейна, сильно ли опускается нижняя челюсть кашалота, он ответил: «Да, очень сильно. Почти перпендикулярно к голове». Исследования подтверждают, что эхолокационные щелчки позволяют кашалоту обнаруживать 30-сантиметрового кальмара на расстоянии порядка 300 метров²⁶. Такие мелкие кальмары часто образуют большие стаи. Я представляю, как кашалоты могучими тушами врезаются в эти скопления, широко распахнув пасти, чтобы захватить или поранить как можно больше добычи для одного огромного глотка.

Как оказалось, в начале XIX века Томас Бил уже пред-

---

²⁶ Madsen et al., "Clicking for Calamari," 141–50.

ставлял себе нечто подобное. И хотя он не мог видеть своими глазами, как кормятся кашалоты, писал он весьма уверенно:

Испытывая желание покормиться, этот кит опускается с поверхности океана на изрядную глубину и пребывает там в спокойном состоянии, открывая свою узкую удлинённую пасть так, что его нижняя челюсть свисает вниз перпендикулярно, сиречь под прямым углом к телу... Зубы кашалота скорее пригодны для хватания, нежели для жевания, и потому рыба и прочее, что он порой извергает из себя рвотой, не имеет на себе никаких признаков подобного воздействия.

Впрочем, как бы кашалоты ни охотились, они способны ловить достаточно кальмаров, чтобы прокормить себя.

Вот чего они не едят – так это людей. Более ранние авторы самым нелепым образом описывали кашалотов как прожорливых чудовищ, охочих до человеческой плоти. Бил же справедливо писал о них как о «примечательно робких и легко поддающихся испугу»:

Нас стремятся уверить, что во всем сотворенном мире нет животного чудовищнее и кровожаднее, чем кашалот... [Однако] когда сии огромные, но пугливые создания видят либо слышат приближение судна или лодки, их страх всегда проявляется чрезмерным образом... В действительности же кашалот есть самое робкое и безобидное существо... всегда готовое бежать прочь при малейшем намеке на появление чего-либо, что выглядит необычным... [и] едва ли способное

быть виновным в том, что ему с такой уверенностью приписывают.

Бил совершил нечто поистине поразительное для своего времени: подверг кашалота суду по обвинению в убийстве, провел справедливое разбирательство и полностью оправдал обвиняемого, объяснив его действия самообороной:

Удар гарпуна... при его нанесении зачастую парализует даже самых крупных и сильных из них таким ужасом, что в этом состоянии они иной раз остаются недолгое время лежать на поверхности моря, словно бы в обмороке... они редко набрасываются на своих жестоких противников, и хотя порой случается, что при столкновении с ними страдают и лодки, и люди, виной тому скорее несчастные случаи из-за сильных конвульсий китов и их попыток спастись, нежели умышленное нападение.

Среди всех других китов именно Левиафан, он же кашалот, наиболее окружен мифами, в которых его огромные размеры сочетаются с эпической доблестью. Он отнюдь не самый крупный, однако в сознании людей представление о его грандиозности получается преувеличенным, поскольку это самый большой из китов, наделенных зубами, и самый большой из глубоководных ныряльщиков; он крепко привязан к своей семье и безобиден, как слон, однако он же, подобно слонам, способен впасть в бешенство, сокрушая и топя корабли, если ему приходится защищать самок и детенышей.

Среди всех китов, которые пишут свою историю в морях и океанах Земли, кашалоты – безусловно величайшие творения.

И вот мы с Шейном здесь, в этом море, разыскиваем монстра-убийцу из старых легенд, который на самом деле пуглив, очень привязан к семье и обращается с детьми «с неустанной заботой и любовью». И размышления об этих существах, которые так же колоссальны телом, как и разумом, для которых очень важны семейные узы и которые живут своей жизнью где-то в другом мире на нашей беспокойной планете, приводят меня в смятение.

* * *

Кашалоты обладают одной особенностью, которую можно назвать ключевой. Как подчеркивает Марк Моффетт в книге «Человеческий рой» (The Human Swarm), в мире нет ни единого вида животных, представитель которого способен опознать в одной совершенно незнакомой особи члена своего сообщества, а другую отнести к чужакам, за двумя исключениями: человек и кашалот. Сообщество – это группа; каждая особь воспринимает других либо как членов своей группы, либо как посторонних. Почти у всех видов такое ограничение приводит к возникновению небольших сообществ, ведь это подразумевает, что каждый в сообществе должен знать и всех остальных его членов. Знакомые особи – свои,

незнакомцы – чужаки. (Это же относится и к некоторым общественным насекомым, в частности к муравьям, хотя они обычно распознают условных друзей и врагов не на основании когнитивных суждений, а значительно проще и машинальнее – по реакции на химические раздражители.) Способность уловить, что некоторые из незнакомых особей принадлежат к твоему клану, – а значит, с ними вполне можно общаться – совершенно исключительная особенность культуры кашалотов.

Их семьи (самки и их детеныши), рассеянные по всему обширному Тихому океану, образуют пять больших кланов, каждый из которых включает тысячи китов. То, как эти киты идентифицируют себя и определяют свою принадлежность к конкретному клану, отражено в диалектах их щелчковых код. В Тихом океане каждый клан кашалотов, состоящий из многих сотен семейных групп, распространенных от края и до края океана, может насчитывать до 10 000 особей²⁷.

При такой численности популяций большинство китов, входящих в состав клана, не связаны между собой близким родством и не знают друг друга лично. Однако все члены клана могут вступать в общение. При этом члены одного клана никогда не общаются с членами другого клана. Поскольку пути, которыми кочуют разные кланы, иногда пересекаются, киты во время странствий могут встречать как своих, так и чужаков. Случайно столкнувшиеся в океане киты –

---

²⁷ Whitehead and Rendell, *Cultural Lives of Whales and Dolphins*, p. 156.

не родственники и не знакомые друг с другом особи – могут вступить в общение, если обнаружат, что пользуются одним и тем же диалектом. Если же диалекты у них разные, то общаться они не станут, а, напротив, будут стремиться избежать контакта. Представления о групповой идентичности распространяются так далеко за пределы родственного круга только у людей и у кашалотов. Можно сказать, что у кашалотов кланы соответствуют национальной или племенной идентичности, причем в куда большем масштабе, чем у любого другого вида на Земле, за исключением человека²⁸.

Когда нечто вроде вокального диалекта кашалотов или их щелчковых код служит для дифференциации, то есть потенциального разделения или объединения групп, это называют «символической маркировкой». До сих пор часто считается, что такое свойство присуще исключительно людям, но нам с вами, а также китам, конечно, виднее.

Культурная группа – это объединение особей, которые научились друг у друга делать то или иное определенным способом. В культуре, как несколько замысловато объяснил мне Шейн, «ты – тот, кто ты есть, потому что ты с теми, с кем ты есть. И потому, что ты с ними, ты делаешь то, что ты делаешь, именно так, как ты это делаешь». Культурные различия между кланами кашалотов включают принятые в разных кланах различные способы перемещаться, нырять, охотить-

---

²⁸ Rendell, L., and H. Whitehead. 2003. "Vocal Clans in Sperm Whales." *Proceedings of the Royal Society B* 270: 225–31.

сы и т. д. Каждый клан нашел свой, особый ответ на вопрос: «Как *мы* можем жить там, где мы живем?» И, как говорит Шейн, «отличительная черта клана – это то, как принадлежащие к нему возводят принятую ими практику в закон».

Генетика от группы к группе практически не меняется. «То, что порождает отличительную черту каждого клана, его особый способ делать то или другое, – объясняет мне Шейн, – есть социальное обучение. Каждый кит должен усвоить социальные традиции окружения. Поведение – это то, что ты делаешь. А культура – то, как ты научился». Социальное обучение иногда называют второй наследственностью²⁹. Первая – это, разумеется, наши гены, которые мы физически перенимаем от наших предков. Обычаи и традиции тоже передаются от старших поколений к младшим, но им необходимо учиться. Гены и культура – две формы наследственности, и обе они эволюционируют³⁰.

В Тихом океане исследователям довелось увидеть два разных клана в один день лишь однажды. По словам Шейна, саморазмежевание между ними почти абсолютно. Мы, люди, способны понять, как это – видеть сходства и различия, которые не имеют никакого отношения к генам. Распознавание

---

²⁹ Whiten, A. 2017. "A Second Inheritance System: The Extension of Biology Through Culture." *Interface Focus*. Online.

³⁰ Mesoudi, A. 2017. "Pursuing Darwin's Curious Parallel: Prospects for a Science of Cultural Evolution." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 114: 7853–60.

«своих» и «чужих» основано на том, чему вы научились у своей семьи и своих друзей, когда росли среди них. Если бы вы росли в другом месте и в другом окружении, вы бы стали частью другой культуры. В этом смысле главная особенность культуры в том, что она *условна*.

Культурные общности кашалотов – единственные группировки такого рода, существующие в трансокеаническом масштабе. Везде, где только изучали этих китов – на Галапагосах, в Индийском океане, в Мексиканском заливе, на Канарских и Азорских островах, в Саргассовом и Средиземном морях, в Бразилии, на Гавайях и на Маврикии, исследователи отмечали взаимное притяжение внутри кланов и отторжение между ними. Члены клана объединяются – а кланы, соответственно, разъединяются – признаками клановой идентичности. И Шейн особо это подчеркивает: «Все их существование подчинено делению на "мы" и "они"».

В значительной мере то же самое можно сказать и о нас. Подобное осознание себя как личности среди других знакомых личностей, такое многоуровневое восприятие идентичности считается большой редкостью в животном мире, если не брать в расчет человека. Правда, не так уж многих животных мы изучали достаточно глубоко. Например, нам известно, что все это есть у разных китов. И у летучих мышей тоже существуют похожие способы идентифицировать себя и сородичей и сообщать о своей принадлежности к определенной локальной группе. Но раз это явление встречается у

столь разных существ, как кашалоты и летучие мыши, то мы вправе задаться вопросом: «Так, может, оно присуще и всем, кто между ними?» Скорее всего, нет, не всем. Но вполне вероятно, что между китами и летучими мышами есть немало других животных, способных индивидуально распознавать сородичей. И я надеюсь, что скоро мы о них узнаем.

На самом деле в какой-то степени это есть и у собак. Они хорошо знают, кто есть кто и кто входит в их социальную единицу. Когда мы с женой отправляемся на прогулку по пляжу, спустив наших собак, Чулу и Джуда, с поводков, они общаются с другими собаками и подбегают поздороваться к дружелюбно настроенным к ним людям. Время от времени они затевают игру с другими псами или позволяют погладить себя кому-нибудь из прохожих. Но если я просто продолжаю идти, они держатся вместе, ждут друг друга, а потом догоняют меня. Они никогда не делают попыток уйти с кем-то другим, будь то собаки или люди. То есть они понимают разницу даже между новыми для них и знакомыми собаками. Вот, скажем, простой пример: на пляже Чула останавливается, чтобы понюхать с незнакомой беленькой собачкой, потом бежит ко мне, и мы идем дальше. Дойдя до конечной точки нашего маршрута, мы разворачиваемся и идем по пляжу обратно, туда, откуда начали. Через сотню метров мы снова видим ту же беленькую собачку, но Чула больше не проявляет к ней интереса. Она знает, что уже встречалась с ней. Но стоит в нескольких шагах от беленькой собачки по-

явиться рыжеватому боксеру, как Чула тут же направляется к нему. Она знает, что он новенький, а значит, его нужно понюхать. Недавно мы взяли семимесячного щенка австралийской овчарки по кличке Кэди. На второй день мы с Чулой, Джудом и Кэди пошли на наш пляж, где разрешено гулять с собаками, и решили спустить с поводков всех троих. Кэди держалась рядом с нами и подходила, когда ее звали. Многократно общаясь по пути с другими собаками и людьми, она всегда возвращалась к нам. Проведя всего лишь сутки в нашем доме, Кэди уже осознала свою принадлежность именно к нашей группе.

Как мы еще рассмотрим далее и гораздо подробнее, сам тот факт, что культура объединяет особей в группы и разделяет группы между собой, имеет важнейшие следствия для эволюционных путей многих видов и в целом для всей истории жизни на Земле.

Хэл Уайтхед и Люк Ренделл, изучавшие социальное обучение у китов и дельфинов на протяжении десятилетий, обнаружили значительное сходство между человеческой культурой и культурой других животных. Впрочем, увидели они и глубокие различия между ними. Однако их не слишком заботило, подходят ли ответы китов к вопросам, которыми задаются люди. Они просто написали: «Культура, на наш взгляд, – важнейшая часть того, что представляют собой ки-

ты»³¹.

Так ли это в действительности? Вопросу «Обладают ли другие животные культурой?» посвящены тысячи страниц – и большей частью впустую. Ни вопрос, ни само это слово не могут считаться реальными. Ведь тут все зависит от определения, а определений, что такое «культура», существует много. Слишком много. Дело в том, что специалисты по культурной антропологии и гуманитарным наукам – люди; их работа заключается в изучении людей, и в научных статьях, которые публикуются в академических журналах, они дают определения вроде такого: «Культура – это формы поведения и идеи, которые люди приобретают как члены человеческого социума». Но если мы в своих определениях будем рассматривать лишь то, что является культурой для человека, то мы никогда не сможем даже задаться следующими вопросами: «Откуда происходит способность человека к культуре?» или: «Обладает ли признаками культуры кто-то, кроме людей?» И если в один прекрасный день к нам из космоса прилетит неведомый корабль и по трапу из него сойдут зеленые человечки, будем ли мы по-прежнему настаивать, что у них нет культуры, просто потому, что их нельзя отнести к человеческим существам? Определение, которое исходно приписывает обладание культурой исключительно человеку, не дает нам ровным счетом ничего.

Как и мы, киты состоят из плоти и крови, из костей и

---

³¹ Whitehead and Rendell, *Cultural Lives of Whales and Dolphins*, p. 17.

нервов; они тоже, как и мы, теплокровные позвоночные, вскармливающие детенышей молоком. Мы с ними дышим одним и тем же воздухом — только, в отличие от нас, они играют, общаются и живут целиком и полностью в море. Все это и делает китов тем, *что* они есть. Культура же в форме различий в поведении разных групп и вокальной идентификации делает китов тем, *кто* они есть.

Если как следует задуматься об этом, разве не становится очевидно, что другие животные не обладают культурой в человеческом понимании? У китов — своя, китовая культура. У слонов — слоновья. Вопрос не в том, насколько их культура близка к нашей. Скорее, он звучит так: «Каковы культуры у разных видов?» Или, если взять еще шире: «С кем мы здесь? В чем заключается образ жизни, который ведут разные существа, населяющие нашу планету? И что на самом деле мы теряем, стирая тот или иной вид с лица Земли?»

Семьи

Глава третья

Сегодня утром, надев наушники, я слышу, правда едва различимо, отдаленное пение горбатого кита. Это пение предназначено не для кого-то конкретно – оно безадресно, для всех и для каждого.

Напротив, кашалоты, поисками которых мы сейчас заняты, чрезвычайно избирательны в том, к кому они обращаются. Задача Шейна – разобраться, почему кашалоты объединяются в своего рода племена, именуемые кланами, и как решают, кто они и с кем – кто для них свой, а кого нужно остерегаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.